

Текстовая версия подкаста Подкаст на колёсах. Выпуск 66: «Землетрясение»

<http://kg-portal.ru//comments/62079-podkast-na-kolesah-zemletrjasenie//>

Михаил Судаков: Здравствуйте, товарищи. Мы посмотрели новый фильм Сарика Андреасяна «Землетрясение» – по единодушной оценке критиков, лучший фильм Сарика Андреасяна.

Евгений Кузьмин: Да. Восемь из десяти.

МС: Восемь из десяти. Если считать, что все предыдущие фильмы Сарика – страшная, чудовищная клиника, то, конечно же, это лучший фильм Сарика Андреасяна. Просто это не очень о многом говорит.

Юрий Лушинский: По-моему, мы же решили, что «Что творят мужчины 2» – лучший фильм Сарика Андреасяна, когда он приблизился к снятию порнухи и всего остального.

МС: А, там, где этот..

ЮЛ: Он был бессюжетный, там были даже какие-то более-менее шутки.

ЕК: Смешные моменты.

МС: Да, согласен, согласен.

ЮЛ: Так что «Что творят мужчины 2» – по-прежнему лучший фильм Сарика Андреасяна.

ЕК: Его было не так мучительно смотреть, как «Землетрясение». В общем, «Землетрясение» – это самый скучный на свете в истории человечества и современного, и в принципе кинематографа фильм про катастрофу. Там не происходит весь фильм ничего. Просто ничего.

ЮЛ: У меня такая аналогия родилась во время просмотра фильма. Представим, если бы хороший режиссёр снимал фильм вокруг большой катастрофы, как, например, Джеймс Кэмерон, то там была бы просто.. «Титаник», да. Там история любви, крушение и, опять же, жизнеутверждающее.. Если бы Сарик это снимал, там бы люди просто плыли на лодке и смотрели на ледяные трупы. Если бы Сарик снимал фильм про одиннадцатое сентября, мы бы полтора часа смотрели, как люди выпрыгивают из башен под скучную музыку, под унылую.

ЕК: Один и тот же мотив, и обязательно выпрыгивала бы мать или мать выкидывала бы ребёнка. Вот в таком формате.

МС: А может быть даже, двух детей одновременно, как здесь показали в один момент.

ЕК: Хорошо. А «2012» если бы Сарик снимал, как бы это было? Они бы смотрели, как Земля разрушается, стоя?

МС: Примерно две минуты бы разрушалась Земля, после этого точно так же: мародёры, люди откуда-то вытаскивают друг друга..

ЕК: Короче, если вы не поняли, само землетрясение минуты три идёт.

ЮЛ: Ну ладно, к этому претензий нет. В реальной жизни так оно и было.

МС: Оно чуть ли не за полминуты всё разрушило, насколько я читал.

ЕК: Мы, наверное, даже не будем разбирать визуальную составляющую. Конечно, с геометрией немного странные вещи, но ладно. Хрен с ним.

ЮЛ: И с туманом.

ЕК: Да. Своеобразный оммаж «Сайлент Хиллу»: две трети фильма в таком постоянном тумане.

МС: Я так скажу: нет там визуальной составляющей. Там просто, когда землетрясение – ой. Местами прям ой. Компьютерная пыль, компьютерное всё это.

ЕК: В общем, понятно, что очень много в павильоне снимали. Это видно.

ЮЛ: Не, то, что руины, это на самом деле так оно и было. Там они декорации даже эти строили. Даже ролик о съёмках есть большой, что они там... Не суть важно.

ЕК: Тем не менее, выглядит не супер, но ладно. Вопрос, конечно, самый большой – к сюжетной составляющей. У Сарика, я понимаю, какой был посыл? Посыл был то, что случилась какая-то катастрофа, какая-то короткая экспозиция с представлением персонажей, которых я не успел, честно говоря...

ЮЛ: Ты вообще никак не проникаешься.

ЕК: Проникнуться и даже идентифицировать их, научиться отличать друг от друга.

ЮЛ: Пять – десять минут даётся, просто показываются четыре линии, которые дальше будут развиваться. И всё. Я так и не понял, в начале он же не показал эту автокатастрофу – видно, на автокатастрофу денег не хватило.

МС: Нас поставили перед фактом, что виноват он.

ЮЛ: Кто на самом деле был виноват? Такое впечатление, что вот этот вот мужчина потянулся к радио и, по-моему, не смотрел на дорогу.

МС: Наверное. Он на встречку, что ли, выехал?

ЕК: Да, в туннеле на встречку.

МС: Короче, изначально не показывают. Совершенно не понятно, из-за чего. Потом нас просто ставят перед фактом, что он восемь лет отсидел, и значит, наверное, он виноват.

ЮЛ: Его признали виновным, да.

МС: Его признали виновным.

ЮЛ: Он остался в живых, и поэтому его признали единственным виновным. Soul survivor. Не мальчика же с заднего ряда. Виноват он.

ЕК: Вот. И короче, фильм о том, что, типа, люди добрые, друг другу помогают, и это плохую шутку с фильмом сыграло. Потому что получается довольно странно, что сначала землетрясение, дальше, по сути, ничего не происходит: они просто шароёбятся по руинам и периодически кого-то откапывают. То есть никаких служб, никаких спасателей, никого вообще нету весь фильм; ничего не происходит, только они как бы ходят туда-сюда.

МС: Там периодически показывают: вот солдаты приехали. Что делают солдаты? Они раздают хлеб. Больше солдаты не делают ни-ху-я в этом фильме.

ЮЛ: Один милиционер на весь город, который поддерживает правопорядок.

МС: Судя по всему, да. Прилетели откуда-то моментально французы с собачкой. Что делает собачка? Показывает трюки. Она валяется...

ЮЛ: А что делает Дидье? Он шароёбится, фотографии смотрит. Спасибо, Дидье.

МС: Делом технически занимается вот какая-то небольшая группа главных героев и вот это товарищ.. Как его, товарищ Акопян, да? Который сошёл с ума и постоянно грузит трупы. Вероятно, он сходит с ума из-за того, что по его вине погибли люди. Потому что он сказал: «Бегите все под арку, арка же никогда не разрушится». И тут она, разумеется, рушится. За этим наблюдаешь и думаешь: «Серьёзно, ребят, такое ощущение...»

ЮЛ: Это под одну и ту же самую монотонную музыку.

МС: Да, Сарик пытался показать... Он рассказывает об одной из самых страшных катастроф двадцатого века. Окей. И про это он в конце: «Если кто не понял, бля, сейчас мы вам объясним. Это вот то-то, сё-то. Там всё плохо».

ЮЛ: Тут всё очень камерно, на самом деле. Всё происходит на одной локации.

МС: Такое ощущение, как будто... Масштаб показали вот в конце немножко...

ЕК: Один квартал.

МС: Не, всё действие происходит в одном квартале. Масштаб показали, когда летит на самолёте главный герой: показывают, что там много что разрушается. И наконец-то в финале показывают: прилетели самолёты большое количество, прилетели эти самые...

ЮЛ: Опять же, там были иностранные люди, которые в конце. Которые слышали, как ребёнок плачет. Там все были разношёрстные, по-моему...

ЕК: Это уже на четвёртый день.

МС: Нет, на четвёртый, да, разношёрстные, потому что там что-то около 111 стран свою помощь прислали. То есть все ломанулись, и видимо, в этом плане Сарик и хотел показать, типа: «Смотрите: все страны помогали». Получилось так, что государство не делало просто ни хера. Хотя по истории это не так, опять же.

ЕК: То есть гуманистический посыл фильма обернулся очень странным сюжетным представлением и тем ощущением, что всем насрать было, кроме местных жителей, на эту катастрофу.

МС: И каких-то совершенно левых людей, которые просто со всего мира поприезжали.

ЮЛ: Да, приехал на четвёртый день из Ростова.

МС: Ага. Отлично, серьёзно.

ЕК: Кстати, из Ростова до Армении можно за полтора дня доехать, мне кажется.

МС: В принципе, да.

ЕК: При желании.

ЮЛ: Он медленно ехал. Он такой: «Людей спасать будем?» – «Дебил, до Армении ещё пилить и пилить».

ЕК: Не, он же не четыре дня ехал, он на второй, по-моему, приехал. Короче, ладно.

МС: Не суть важно. Это уже мелочь, география.

ЮЛ: По-моему, он приехал на четвёртый день, когда надо было спасать...

ЕК: Короче, главная проблема... Знаешь, я вспоминаю фильмы, конечно, аналогии вот – «Сан-Андреас». Понятно, это развлекательное кино. В основном американцы снимают фильмы-катастрофы, все эти «Послезавтра» Эммериха и так далее, это всё развлекательные фильмы, не драмы, как пытался снять Сарик. Вот. Но там, понимаешь, есть какое-то движение: они куда-то идут, двигаются, что-то происходит. Там есть персонажи, какая-то химия между ними. Здесь просто абсолютно статичное состояние: они шароёбятся на одном месте. Все, блядь два часа.

МС: Я вспомнил «Башни-близнецы» Стоуна.

ЮЛ: С Николасом Кейджем.

МС: Да. Оно тоже камерное большую часть, но оно в разы лучше работает именно на драматическую... Это ни хуя не развлекательное кино, вообще ни хуя не развлекательное.

ЮЛ: Там люди сидят, пытаются выжить, подбадривают друг друга.

МС: Да-да-да.

ЮЛ: А здесь...

МС: И там, блядь, не включается каждые долбаные десять минут или даже пять одна и та же тема. Просто до смешного доходит.

ЮЛ: Не, он должен понимать... Тут же все очень мало говорят, диалоги практически отсутствуют как таковые, их очень мало.

МС: Они есть, но такие тоже...

ЮЛ: Да. И чтобы заставить людей чувствовать, он включает эту душещипательную музыку.

ЕК: Да, типа: «Вот здесь вы должны переживать. Переживайте, суки!»

ЮЛ: «А тут рыдайте, рыдайте. Я вам показываю мёртвых детей. Рыдайте!» Я говорю, это до такой степени эмоционально опустошает в плохом смысле, и никакого сопереживания не чувствуешь. Просто думаешь: «Что я только что посмотрел?»

ЕК: Да, это такая очень неприятная манипуляция получается.

МС: Меня это не опустошает, меня это бесит.

ЕК: Меня тоже бесит.

МС: Я вышел такой слегка злой на Сарика, потому что серьёзно, твою мать, зачем так делать?

ЕК: То же самое, то же самое.

МС: Про манипуляции, опять же. Чтобы люди, которые на это не пойдут... Не идите на это говно ни в коем случае, не надо этому говну делать деньги. Не надо, пусть нормальные режиссёры снимают фильмы про катастрофы. Про человеческие трагедии и так далее. У этого режиссёра не получается ни хера. Чтобы вы примерно представляли: там мама умирает, с ней сын её... Жена и сын маленький главного героя соответственно. Он говорит: «Мамочка, не умирай, пожалуйста», и она ему говорит: «Я буду любить тебя...», — и в этот момент, как по мановению волшебной палочки, включается трогательная, громкая, грустная музыка. То есть это, знаете: «У нас сейчас будет диалог, который мы в трейлер вставили. Включаем музыку срочно». Другой момент, где отец Лилит, да, по-моему...

ЮЛ: Да-да-да.

МС: Нет, не Лилит, не Лилит. Неважно. Женщина, которая забеременела и ребёнка родила, у которой муж погиб. Вот он тоже. В момент, когда он понимает, что... Шурин, да? Как это называется — её муж, его дочери? Он, оказывается, не какой-то там козёл...

ЮЛ: Не пройдоха...

МС: Не пройдоха, а он такой... Ему говорит другая женщина, что он спас ребёнка и пожертвовал собой, и сразу же опять: «Та-та-да-дам, па-па-ба-ба» — играет эта музыка, она заебла, эта музыка, под конец. В каждый типа грустный момент она включается очень громко.

ЮЛ: Одна и та же самая.

МС: Одна и та же тема. Так нельзя. Есть моменты, когда нужно просто молчать. В принципе, для меня более-менее нормальным моментом показалось, когда вот этот Роберт узнаёт главного героя... Лавроненко.

ЮЛ: Березовского. Константин, как его там...

ЕК: Бережной.

МС: Не Березовский, Бережной. Когда узнаёт, что это тот человек, который виновен в смерти его родителей, в этот момент музыка не играет. Резко не начинает играть. Я такой: «Ну спасибо большое. Наконец-то». В принципе, так можно было снимать, но это один момент. Всё остальное — это: грустный момент, «та-та-да-дам». Блядь.

ЮЛ: Одни и те же самые аккорды.

МС: Да, абсолютно.

ЮЛ: Там есть совершенно тупые линии, как, например, с мародёрами, которые... Нужно было сделать на пустом месте драму и убить персонажа, чтобы ещё более драматично сделать.

МС: Если Сарик хотел показать, что мародёры дебилы, он это показал. Сначала они за каким-то чёртом посреди ночи вызвали на себя мента (один из них) и потом его убили. Они спокойно себе воровали, тащили цепочки и так далее.

ЮЛ: И никому не мешали.

МС: И тут один дебил такой...

ЮЛ: «Теперь я здесь главный».

МС: А потом посреди белого дня, блядь, вокруг двадцать человек...

ЮЛ: ...они решили машину захватить.

ЕК: Которая ещё и на тресе.

МС: О... Боже мой.

ЮЛ: «А что мы сделаем с главным героем? Мы его убьём. А почему? А потому что так будет ещё драматичнее». До такой степени, что там ничего не чувствуешь. Просто перегораешь где-то на середине фильма.

ЕК: Я не знаю, я считаю, что после первого получаса уже понял, что фильм меня никак не трогает, просто потому что плохо снят. Я смотрю на

количество типа-хороших репостов от Сарика с восторженными отзывами от армян, и у меня это вызывает такую ассоциацию с самым плохим малым патриотизмом, когда местные жители какого-нибудь Усть-Захопинска очень любят свой город, считают его лучшим на свете, просто потому что он — их. Тут то же самое. Показали национальную трагедию армян... Да, армяне в мировом кинематографе представлены слабовато... Но это ж такая манипуляция.

ЮЛ: Типа: «Про нас сняли кино, ура! Оно не может быть плохим. А кто ругает, тот говно, не понимает человеческой трагедии».

ЕК: Такое манипулятивное, будто люди первый раз вообще в жизни кино посмотрели.

ЮЛ: Про себя — в первый раз.

МС: Да, на самом деле. Единственное, что нужно заметить: в отличие от остальных фильмов Сарика, практически всех, здесь актёры нормально играют.

ЕК: Да, кстати.

МС: У меня вопросов именно к игре актёров особо не было. У меня была куча вопросов непосредственно к режиссуре, к сюжету и так далее...

ЮЛ: Киноязыку... Было понятно с самого начала, что они встретятся. К этому всё и шло, да, что он его опознает...

ЕК: Это очевидно было. Да, с актёрской игрой нормально. Единственное, неподражаемый стиль Сарика выдаётся на игре детей.

МС: О, да. Вот этот момент... Я реально вот так (закрывает лицо руками): «Как же стыдно-то, неудобно».

ЕК: Актёрская игра детей — это просто фирменная фишка Сарика Андреасяна.

ЮЛ: Он просто даёт им диалог взрослых людей, судя по всему.

ЕК: Да. Точнее, не так: он просто всем даёт одни и те же диалоги.

МС: Иногда взрослым достаются слишком детские диалоги, детям — слишком взрослые. Так, в принципе, оно более-менее и выходит. Нет, серьёзно, многие моменты Сарик просто портил вот этой вот музыкой и крупным планом. Нормально вот этот мужик пожилой отыграл, да, который на шурина своего злился, хорошо отыграл, другие хорошо отыграли.

ЮЛ: Да, диалог про этого, про Бога — окей.

МС: Но вот, опять же: фразы, которые вкладываются, музыка — это просто пиздец, я не знаю.

ЮЛ: На самом деле, если бы была сюжетная линия про одного человека, которая его отслеживала, — это было бы гораздо более... Он был бы на виду, ты бы себя с ним больше ассоциировал, сопереживал бы ему больше, а тут постоянно идёт пересечение разных людей...

МС: Это хорошо в руках хорошего режиссёра.

ЮЛ: Может быть.

МС: Сарик с этим особо не справляется. А вы заметили, как он в самом начале показал: «Смотрите, какой я охуенный режиссёр и какой у меня оператор заебись. Как я одним планом сейчас всё типа сниму!»? Заметили? Да, да, да. Там, конечно, полный пиздец, когда особенно камера надвигается на спину человека — фактически затемнение, и такой: «Смотрите, это всё ещё один план, это всё ещё один план».

ЮЛ: То же самое было на ящике с помидорами.

МС: Я и говорю. С яблоками, яблоками. Просто настолько очевидно. Сарик, нет, настолько это не работает, нужно хоть немножко маскировать. Понятно, что в сцене «Кингсмана», условно, тридцать склеек, но они охуенно замаскированы. Так не работает, это по-другому делается. Или не выёбывайся, серьёзно.

ЮЛ: Даже не пытайся, да, Сарик.

МС: Ну а насчёт отзывов хороших, замечательных (их действительно гораздо больше, чем на другие фильмы Сарика) — всё просто: многие люди поведутся на эту манипуляцию, это факт. Большое количество людей. Особенно женщины, совсем трогательные девушки.

ЕК: Армяне.

МС: Армяне, разумеется.

ЮЛ: Люди выходили и молчали, мы тоже выходили и молчали, потому что это было до такой степени...

МС: Мы молчали, потому что мы для подкаста берегли просто все свои фразы, всю свою ненависть и так далее. Сарик, ты хотел лучшее пробудить в людях — нет, ни хера не получилось. Пробудил сплошную (у меня лично) злость. Вот. На кого-то подействует, я не спорю, конечно, манипуляции действуют на ура. Для этого специально есть жанр — tearjerker.

ЮЛ: Выдавливание слёз. Pixar то же самое делает.

МС: Да, на «Дори», пожалуйста.

ЕК: Слёзовыжималка.

МС: Сарик всё ближе и ближе к Голливуду, вы понимаете, да? Каждый раз мы это говорим — Сарик всё ближе к Голливуду. Это раз.

ЮЛ: Кто нам говорил, что здесь такой потрясающий сценарий, что Сарик не может его испортить? На самом деле может, очень даже.

МС: Я не говорю, что потрясающий, я говорю, что в принципе...

ЮЛ: Не, нам кто-то говорил, что сценарий до такой степени охрененный, что даже Сарик...

МС: Кто-то, наверное, говорил. Можно, конечно, можно. Любой сценарий можно использовать херово. Даже если бы здесь было всё хорошо с точки зрения смысла, хотя здесь тоже очень много вопросов, очень натяжек много, да...

ЮЛ: Дидье, не простим Дидье.

ЕК: Никогда.

МС: Дидье. Так вот. Армяне – всё правильно, они тоже, конечно, будут поддерживать, потому что: «Как же, про нас кино сняли». Не надо, ребят, плохая идея. Поддерживайте хорошее кино.

ЮЛ: Сняли бы, а они б сказали: «Говно какое-то, на самом деле всё было не так».

МС: Я и говорю. «Зачем, зачем ты нас опорочил?» Вот. И потом мы отлично знаем: где-то отзывы покупаются. Это правда, это факт. Отзывы покупаются, пожалуйста, на том же «Кинопоиске». И многие люди будут бояться это ругать. Просто бояться, потому что...

ЮЛ: Не, мы ж не трагедию ругаем, мы...

ЕК: Не сомневаемся в её существовании...

МС: Да-да-да.

ЕК: Как-то так, да.

ЮЛ: ...воздействию на людей и трагедии. Особенно мне понравилось, как он говорит открыто, что у всех остаётся посттравматический синдром: «Теперь всё хорошо», – «Нет, Роберт, теперь этот ужас я буду испытывать до конца жизни». И мы, Сарик, тоже. Серьёзно. И мы до конца жизни тоже.

МС: Не забудем, не простим.

ЮЛ: Да-да-да. Это мало чем отличается от, извините, некрофилии.

МС: Можно, конечно, и такое...

ЕК: Хорошо довёл, да.

ЮЛ: Не, он использует смерть людей для чего? Что он хотел этим сказать? Сложно сказать, что он хотел этим фильмом сказать.

ЕК: Я говорю: гуманистический посыл.

ЮЛ: Его не было там.

МС: Он пытался его сделать.

ЕК: Попытка была. Я не говорю, что не было, — была попытка.

МС: Очень херовая, на самом деле.

ЕК: Смотри: «Список Шиндлера» — тоже трагедия старая, тоже гуманистический посыл, добрый фильм. Я думаю, что Сарик-то то же самое хотел сделать. Не в обиду Спилбергу.

МС: Как всегда, у него намерения самые светлые. То людей насмешить, то заставить их думать о вечном, а получается, Сарик, одно и то же. Получается какая-то херня.

ЮЛ: Теперь ждём его голливудский проект.

МС: И вот это — настоящая трагедия.

ЮЛ: И землетрясение.

МС: Всё.

ЮЛ: Да.

Расшифровка: Антон Чеснаков